

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

СЕРГЕЙ ДЕМЬЯНОВ

НЕКРОМАНТ. ТАКАЯ РАБОТА

РОМАН

Москва, 2013
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Д32

Серия основана в 1992 году
Выпуск 818

Художник
М. Поповский

Демьянов С.
Д32 Некромант. Такая работа: Фантастический роман.—
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 441 с.:
ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1367-6

Некоторые думают, что вампиры — это такие же люди, как мы, только диета у них странная и жизнь долгая. Это не так. Для того чтобы жить, вампир должен творить зло.

Пять лет назад я был уверен, что знаю о своем городе все. Не обращал внимания на побирушек в метро, не читал книг о вампирах и живых мертвецах, ходил на работу днем, а вечером спокойно возвращался в надежный дом, к женщине, которую я любил. А потом она попыталась убить меня... С тех пор я сделал карьеру. Теперь старейший вампир города хочет, чтобы я поднял для нее зомби, серийный убийца-колдун собирается выпотрошить меня заживо, а хозяева московских нищих и бесправных гастарбайтеров мечтают от меня избавиться. Я порчу им бизнес, потому что не считаю деньги самой важной вещью в мире. Из меня хреновый Ланселот. Мне забыли выдать белого коня и волшебный меч. Но таким, как я, не обязательно иметь оружие. Я сам — оружие. Я — некромант.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1367-6

© Сергей Демьянов, 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

МОИ БЛАГОДАРНОСТИ

*Андрею Уланову — за ответы на все вопросы,
касающиеся оружия,
Ольге Громыко — за то, что поддерживала во
мне уверенность,
и всей команде L'Orro — за то,
что дали мне физическую возможность закончить
эту книгу.
Эта история не могла быть рассказана без ва-
шей помощи.*

Иногда мне кажется, что некоторые люди вообще не понимают человеческого языка. Им бесполезно говорить, что ты не хочешь и не будешь делать что-то. Они просто развалятся напротив тебя в твоём же кресле, закинут ногу на ногу, может быть, закурят и спросят: «Ну и сколько вы хотите за это?»

Деньги — отличная вещь, но многих они портят. Нет ничего хуже, чем решить, что можно купить абсолютно все. Это соблазнительный, но весьма опасный миф: однажды можно узнать, что именно то, что тебе действительно нужно, вообще не продается. Даже за очень большие деньги. Иногда владельцев этих самых больших денег такое положение вещей не устраивает.

Я знаю кое-кого, кто считает, что в наше время иметь принципы — это непозволительная роскошь. Но я уверен, что у любого человека должно быть право сказать «нет», если ему противно что-то делать. И даже без «извините».

Я не ем соевый творог.

Я не слушаю Диму Бирана.

Я не поднимаю мертвых.

И что, я обязан за это извиняться? Не думаю.

Увы, некоторым мое «нет» почему-то не кажется убедительным. Именно поэтому я беру клиентов только по рекомендации, но даже это не всегда помогает. Далеко не все люди способны хорошенько подумать перед тем, как дать кому-то номер моего телефона.

Был канун Нового года. Все супермаркеты украсили снежинками, мишурой и разноцветными лампочками, а на каждом сколько-нибудь значительном перекрестке узбеки в курт-

ках-дутиках торговали петардами и фейерверками. В город привезли елки, и теперь тротуары возле станций метро были усыпаны хвоей. В магазинах появились елочные игрушки, картонки с конфетами и баллончики с искусственным инеем по сорок рублей штука. Им оказалось очень удобно рисовать на стеклах пентаграммы.

Человек, сидевший напротив меня, был очень, очень напуган. Видимо, именно это и заставляло его быть таким наглым. Даже более наглым, чем я.

Возможно, дело было еще и в том, что он был воплощением зла.

Заметьте, я думал так вовсе не потому, что он положил ноги в черных замшевых кроссовках на мой любимый письменный стол, который обошелся мне почти в штуку баксов.

— Я надеюсь, Кирилл Алексеевич, мы все же договоримся, — мурлыкнул он, широко улыбнувшись.

— Повторяю еще раз, для тупых: я не поднимаю мертвых, — отозвался я. — И, кроме того, я не работаю на нежить.

— Не стоит оскорблять своего будущего работодателя. — Мой собеседник покачал головой. — Вы же знаете, мы не любим, когда нас так называют...

— Я не люблю белый шоколад, — сказал я. — И знаете что?

— Что? — нахмурился он, озадаченный.

— Я его не покупаю, — ответил я. — И все довольны. Дверь вон там.

Всем хотя бы раз в жизни попадался человек, не понимающий намеков. Это может быть кто угодно — сосед по лестничной клетке, регулярно пытающийся одолжить у вас полтинник на опохмел, или коллега, привыкший спихивать на вас всю грязную работу. Как правило, это очень самоуверенные типы, воспитанные в твердом убеждении, что мир и населяющие его люди существуют только для их удовольствия. В их характере ничего не меняется, если они становятся вампирами. Разве что дури прибавляется. Видите ли, они думают, что им ничего не грозит, раз уж они мертвы.

Они ошибаются.

Вы не верите в то, что вампиры существуют? Я очень рад за вас. Это значит, что вы живете спокойной и безопасной жизнью человека, ничем их не заинтересовавшего. Мой сегодняшний гость был клыкаст, плохо воспитан и безнадежно

мертв. Мне казалось, этого вполне достаточно, чтобы отказаться на него работать. Вот только сам он считал иначе.

— Кирилл, мне хотелось бы думать, что вы разумный человек и мы сможем договориться, — мягко сказал он, не двигаясь с места.

— Одно с другим никак не связано. — Я пожал плечами. — То, что я разумный человек, вовсе не обязывает меня соглашаться на все, что мне предложат.

— Вы же понимаете, что они будут настаивать... — Он хмыкнул и покачал головой, видимо, не в силах поверить в то, что в мире еще встречаются люди, у которых есть принципы. Я имею в виду такие особенные капризы, которые никак нельзя обменять на сколь угодно большую сумму денег.

— Тут такое дело... — сказал я. — Я могу настаивать на том, чтобы меня сделали английской королевой. Но вы же понимаете, чем это кончится?

— О да! — согласился мой собеседник. — Но, похоже, вы не понимаете, чем это может кончиться.

Я не скандалист по натуре. Я хорошо отношусь к большинству людей. Я люблю собак, кошек и аквариумных рыбок. Разговариваю я почти всегда тихо и вежливо, руками не размахиваю, слюной не брызгаю — в целом меня можно назвать довольно-таки сдержанным человеком. Обычно я с большим уважением беседую со своими клиентами: в конце концов, это те самые люди, которые оплачивают мою еду, одежду и квартиру. В мире существуют всего две вещи, которые я действительно ненавижу.

Первая — вампиры.

Вторая — когда мне угрожают.

Мой собеседник был олицетворением их обеих. Можно ли винить меня в том, что я все-таки сорвался?

Жесткий воротничок-стойка — неважная защита для тех, у кого шея — наиболее уязвимое место.

— А-авх! Гр-р! — причитал мой собеседник.

Ну хоть ноги со стола убрал — и то хлеб. Ему сейчас было очень страшно. Собственно, он и орал не столько из-за того, что ему было больно, сколько от страха. Я ведь мог и что-нибудь важное ему повредить. Правда, действительно необходимых для выживания органов у вампиров немного.

Мне известны все.

Для более старого немертвого я бы выбрал топор, а еще лучше — дробовик, заряженный картечью. Никому не говорите, но под крышкой моего рабочего стола спрятан ИЖ-81 «Ягуар» с ореховой рукояткой. Я предпочел бы облегченную Бенелли Нову или пятисотый Моссберг Крейсер, но достать такое в Москве за разумные деньги довольно трудно. Кроме того, именно это старенькое помповое ружье, купленное с рук по объявлению на каком-то форуме за двести пятьдесят долларов, пару раз уже спасало мне если не жизнь, то здоровье.

Моего нынешнего гостя особенно опасаться не стоило: он был обращен меньше года назад и к тому же не ожидал от меня подобной выходки. Я его понимал. Я — человек, а нормальные люди обычно не пытаются убить кого-то ни с того ни с сего. Нам нужна очень веская причина для того, чтобы даже просто задуматься об этом.

Кроме того, вряд ли ему приходилось часто встречаться с людьми, всегда готовыми к нападению вампира.

Ну или к нападению на вампира.

На правой руке я обычно ношу широкий кожаный браслет с серебряными клепками — для душеспасительных бесед, к предплечью левой пристегнуты ножны — в них я держу двенадцатисантиметровый обоюдоострый нож с симметричной заточкой для тех, кто остается глух к голосу разума. И еще у меня есть довольно толстая струна с серебряной оплеткой. Отличная вещь, придуманная как раз для подобных случаев.

При необходимости я мог бы порадовать моего гостя еще несколькими забавными сюрпризами. Не то чтобы я их коллекционировал, просто у меня довольно нервная работа.

— Вот теперь мы, наверное, поняли друг друга, — сказал я. — Мартынов, не приходи ко мне больше.

Он тут же заулыбался и принялся всячески демонстрировать полное свое со мной согласие. Он думал, что я собирался его убить, и был неправ. Если бы я собирался, я бы убил. Впрочем, ход его мыслей меня вполне устраивал.

Избегая резких движений, я снял струну с его шеи и уселся обратно в кресло.

При жизни Павел Мартынов был мелким бизнесменом, из тех, кто вечно экономит, зажимая сверхурочные сотрудникам, и при случае непременно кинет партнера, наемного работника или клиента, если это ему ничем не грозит. С его стороны

было очень глупо пытаться убедить меня в том, что перед лицом вечности он изменился к лучшему. Это могло бы сработать, не знай я ничуть не хуже него, в какую именно сторону меняются люди, становясь немертвыми. По счастью, в детали моей личной жизни Мартынов посвящен не был.

— Еще раз увижу тебя рядом с моим домом — убью, — предупредил я, восстановив дыхание. Не люблю позволять себе злиться.

— Давай поговорим, как цивилизованные существа... — заныл Мартынов. — Это же была просто шутка.

— При обсуждении работы шутки неуместны, — отрезал я. — Считаю, что у меня нет чувства юмора. Выметайся отсюда и даже мимо моей двери не ходи, если не хочешь стать окончательно мертвым. Это все, что я имею тебе сказать.

Он выбрался на лестничную клетку с таким видом, точно шел общаться с комиссией из СЭС, не имея ни соответствующих бумаг, ни крупной суммы наличными в кармане. Вообще-то я склонен жалеть людей, которым патологически не везет. Я сочувствую бездомным кошкам, героям Чарли Чаплина и иногда даже тем невезучим ребятам, которым приходится зимой раздавать у метро рекламные листовки. А вот Мартынова мне жалко не было. Может быть, он не притворялся и действительно ожидал наказания за то, что не сумел убедить меня взять этот заказ.

Может быть.

С другой стороны, вампиры частенько лгут, если их ложь может сделать вам больно или стать причиной неприятностей. Но я не стал бы ему сочувствовать, даже если бы доподлинно знал, что ему капитально влетит.

Для того чтобы жить, всякому проклятому необходимо творить зло. Людям нужно дышать, пить, есть, спать. Лишенные возможности делать это, они заболевают и умирают. Именно поэтому воздух, еда, вода и сон считаются базовыми потребностями человека. У вампира базовая потребность только одна.

Зло.

В сочувствии они не нуждаются. Тем более — в моем сочувствии. Я предпочитал приберечь его для других случаев.

Понаблюдав за тем, как Мартынов садится в машину, я пе-

реключился на изображение с камеры на воротах и убедился, что он действительно уехал. И только потом позволил себе расслабиться и включить кофеварку. Нет, у меня нет паранойи, но всегда приятно точно знать, где находится тот, от кого ты ждешь подлости. Я не думал, что Мартынов может попытаться меня убить, но вот покалечить — запросто. Для того чтобы поднять покойника, обе руки мне не нужны. И ноги тоже, по большому счету.

Телефонный звонок заставил меня вздрогнуть и пролить кофе на рубашку. Вот черт! Только пятна на груди мне для полного счастья и не хватало! Минут через пятнадцать нужно было выезжать к клиенту, поэтому я просто не успевал забежать домой, чтобы переодеться. Пора бы приучиться держать в офисе запасной комплект одежды на всякий случай. Впрочем, пятно от кофе — это еще куда ни шло. В прошлый раз это была кровь.

Предполагается, что красное на красном не должно слишком бросаться в глаза, но кровавое пятно даже на бордовой джинсе выглядит как кровавое пятно. Хорошо еще, что тогда у меня в запасе оказалось немного свободного времени и я успел быстренько замыть пятно в туалете. Рубашку даже не пришлось отдавать в химчистку.

Интересно, пройдет ли тот же номер с кофе?

Телефон зазвонил снова, я поставил кружку на стол и взял трубку. Звонила Лиза Островская, и это, кроме всего прочего, значило, что все мои планы прямо сейчас рисковали накрыться известным предметом.

— Кир, у нас «Курская», — коротко сказала она. — И это срочно!

Конечно, глупо записывать в ежедневник что-то вроде «17.00 — 17.30, понедельник. Упокоить зомби на «Китай-городе», но если я перестану планировать свою рабочую неделю и четко придерживаться составленных планов, то просто утону в трупах. Так всегда бывает, если ты соглашаешься делать что-то бесплатно. Сначала тебе говорят, что неплохо бы заниматься этим хотя бы по воскресеньям, а потом в пятницу у них возникает проблема, которую нужно решить срочно, и никто, кроме тебя, с этим не справится. И ты даже не успеваешь заметить, как твое волонтерство начинает пожирать кучу времени.

Нет, я до сих пор считаю, что делаю нужное дело. Я никог-

да не отказываюсь приехать, чтобы уложить зомби. В конце концов, каждый человек достоин смерти, и просто нечестно эксплуатировать несчастного покойника только потому, что у тебя есть такая возможность. Но я не могу заниматься благотворительностью двадцать четыре часа в сутки. Иногда мне нужно есть, спать, работать за деньги и ходить в кино.

— Я не могу сейчас, — сказал я. — Позвони кому-нибудь еще.

— «Кому-нибудь еще»?! — возмутилась Лиза. — Ни Марька, ни Макс сейчас не могут уйти с работы, Ларисы нет в городе, а Рашид в запое после субботней вылазки.

— У меня встреча с клиентом через час, — возразил я. — Я не могу ее отменить.

— Попроси его подождать, — предложила Лиза. — Блин, сейчас упустим, потом еще два месяца будем лапу сосать! Да кому я объясняю? Это ж «Курская»!

У человека, которому принадлежали нищие с «Курской», было на нас чутье. За весь прошедший год нам удалось выцарапать у него всего шесть тел — примерно столько же, сколько я укладывал еженедельно на «Комсомольской».

Вероятно, это было связано с тем, что на площади трех вокзалов не пытался делать бизнес только ленивый. Выколачиванием денег из прохожих здесь были заняты все: бабки с пирожками, цыгане с детьми, торговцы с китайскими шмотками, карманники с быстрыми и лживыми глазами, милиционеры с рациями и почти не говорящие по-русски таксисты.

И мертвые.

Эти обычно стояли у стен или сидели прямо на асфальте. Некоторые — с протянутой рукой. Некоторые — с шапкой или полиэтиленовым пакетом. Некоторые — с картонной табличкой «Памагите умирла... (нужное вписать)». Практически у всех были хорошо заметны типичные признаки начинающегося разложения, но какой нормальный человек будет разглядывать попрошайку? Большинство людей обычно хватает на то, чтобы кинуть горсть монеток в разъявленный у ног вонючего бомжа пакет, сунуть купюрку в раскрытую сумку бледной побирушки с ребенком, — и чувствовать себя праведником. Очень немногие удостоивают обитателя городского дна повторного взгляда.

Рано или поздно каждый такой любопытный прибивается к нам.

Согласно российскому законодательству, каждый человек после смерти имеет право на достойное отношение к своему телу и гарантированное погребение с учетом волеизъявления покойного. Исходя из этого, можно считать, что поднятие мертвых в целях использования их труда не только неэтично, но и незаконно, несмотря на то что это впрямую нигде не оговорено.

Незаконно, но очень выгодно.

Зомби не спят, не мерзнут, им не нужна водка и еда, они физически не способны подвести или предать того, кому принадлежат. Мертвые честны и послушны, они — идеальные исполнители воли того, кто поднял их. И не имеет значения, каким человек был при жизни. Вегетарианец будет заживо жрать орущего благим матом должника своего хозяина, мальчик-мажор встанет у ларька и примется бормотать «братец, помоги копеечкой здоровье поправить», а бывшая бизнесвумен, натянув на себя жуткие тряпки, отправится побираться по метровагонам.

Каждому из них приказ хозяина с успехом заменяет божью волю.

На «Комсомольской», которую Лиза полгода назад повесила на меня, с достаточной регулярностью появлялись мертвые, принадлежащие самым разным «лицам, занимающимся противоправной деятельностью». И лица эти никогда не упускали возможность подгадать конкурентам, что здорово облегчало мне зачистку вверенной территории.

У «Курской» хозяин был один.

И практически каждый из нашей группы мог предъявить ему довольно длинный счет.

— Я жду тебя у выхода с кольцевой, подъезжай, — добавила Лиза и повесила трубку.

Я с тоской посмотрел на стоявшую на столе чашку, наступал клиентке эсэмэску с извинением и просьбой перенести встречу, накинул куртку и поехал на Курскую.

Есть вещи, которые приходится делать даже тогда, когда не хочется. Просто потому, что никто не сделает их за тебя.

Здесь для меня всегда пахло мертвечиной.

Иногда слабенько. Иногда, как сейчас, совершенно невыносимо. Это не столько запах, который можно учуять носом,

сколько ощущение. Оно возникает, когда ты, шестилетний, неожиданно проваливаешься в глубокую влажную яму, прикрытую опавшими листьями. Оно сродни тому чувству, которое испытываешь, взяв в руки изъеденный червями гриб-переросток, каким-то образом затесавшийся в компанию крепеньких боровичков в твоей корзине. Его отголоски начинают звучать в тебе, когда ты опаздываешь домой вечером и бежишь по эскалатору, понимая уже, что никак не успеть вовремя и непременно будет скандал.

Страх.

Смерть.

Неизбежность.

Невозможность что-либо изменить.

Лиза топталась у выхода из метро и время от времени поглядывала на экран мобильного: трогательный беспокойный ребенок с тонкими запястьями, растрепанными темными кудряшками, в красной лыжной шапочке и куртке-дутике. Я помахал ей комком розового меха (слоненок? обезьянка? фиг разберешь!), прихваченным с лотка по дороге. Пучок квелых роз говорил бы о якобы предстоящем мне свидании куда более явно, чем глупенькая мягкая игрушка, но тратиться на букет, который потом все равно придется выбросить, поскольку он жутко мешает работать, я считал неправильным.

Кроме того, я терпеть не могу срезанные цветы.

Мне и так слишком часто приходится иметь дело с покойниками.

— Извини, любимая, что опоздал, на Озерной пробка, — скороговоркой пробормотал я. Достаточно громко для того, чтобы мои оправдания могли слышать все заинтересованные в этом лица.

— Я знала, что ты меня выручишь! — прошептала Лиза, обнимая меня и чмокая в ухо.

— Это-то и плохо, — тихонько вздохнул я. — Неужели совесть тебя совсем не мучает?

— Ну и где логика? — спросила Лиза. — Опоздал ты, а совесть почему-то должна мучить меня.

— Имей в виду, мне ужасно плохо, — серьезно сказал я. — Ты вынудила меня перенести встречу с клиентом, который,

между прочим, хотел дать много денег. Я не успел допить кофе и к тому же остался без обеда.

— Это дело поправимое, — легкомысленно отозвалась Лиза.

— Хочешь сказать, что поведешь меня пожрать? — удивился я.

Это что-то новенькое.

— Хочу сказать, что минут через пятнадцать, если мы поторопимся, ты уже успеешь потерять аппетит, — сказала Лиза.

— Да ладно! — Я пренебрежительно фыркнул. — Для того чтобы я отказался перекусить за чужой счет, нужно что-то пострашнее одного несчастного зомби.

— Зараза ты самоуверенная! — улыбнулась Лиза. — Иногда мне кажется, что тебя вообще ничем не проймешь.

Я мог бы покачать головой и сказать, что она глубоко ошибается: на самом деле я хрупкое и ранимое существо. Нестабильная самооценка — хроническая болячка, здорово мешающая мне жить. Действительно эффективно работать и выдавать приемлемого качества результаты я способен только тогда, когда твердо верю в то, что я — лучший в своем деле и все мне по плечу. Стоит мне почувствовать себя неудачником — и можно сразу прощаться и ехать домой, поскольку толку от меня ближайшую пару дней точно не будет.

Но вряд ли от того, что Лиза узнала бы об этом, было много пользы.

— Ты меня сюда потрепаться вызвала или все-таки покажешь клиента? — спросил я вместо этого. — И еще — обед за тобой.

— Вымогатель! — отозвалась Лиза.

— Ну с паршивой овцы — хоть шерсти клок, — сказал я.

— Я бы попросила! — возмутилась она. — Ладно, вон он.

Я проследил за ее взглядом.

Одна неделя, проведенная мертвым телом на открытом воздухе, равна примерно восьми неделям в земле и двум — в воде. Мало поднять труп и заставить его шевелиться. Без серьезной обработки он довольно быстро испортится, однако совсем свежий зомби внешне мало отличается от живого человека. Если не присматриваться — а никто не станет внимательно разглядывать ковыряющегося в мусорке бомжа или алкаша с

бессмысленным лицом и трясущимися руками, — трудно что-то заподозрить. Этот был совсем свежий. Нам повезло, что сегодня по «Курской» дежурила Лиза. Вряд ли кто-нибудь из новичков обратил бы внимание на этого попрошайку лет тридцати на вид, слегка лысоватого, невзрачного, но выглядявшего вполне прилично. Его лицо, не успевшее еще оплыть, было покрыто тонким слоем стойкой аэроокраски, а под глазами и на подбородке, похоже, лежал дополнительный слой белого корректора, спрятавшего темные трупные пятна. Одет был наш сегодняшний клиент в потрепанный, но не слишком грязный свитер и мешковатые коричневые брюки, а в руках держал традиционную картонку «Памагите сабрат на апираццю. Я нимагу гаварит».

Его выдавали только глаза.

Для того чтобы заподозрить в заражном и вонючем, потерявшем человеческий облик существе мертвеца, нужно хотя бы допустить, что перед тобой может быть мертвец. И то, что он ходит и канючит, еще не делает его живым. И еще нужно знать, что высматривать. Два буроватых треугольничка по обе стороны от радужки, пятна Лярше, чаще называемые просто «манкой», начинают проступать минут через двадцать после наступления биологической смерти и полностью проявляются до конца первого часа. У живых их не бывает.

— Времени у нас минут пятнадцать, не больше, — предупредила Лиза. — Постарайся сделать все аккуратно.

— А я-то всю жизнь мечтал размазать какого-нибудь зомби по стене, чтобы кишки и вопли! — хмыкнул в ответ я. — Испортила мне весь кайф.

— Тут уже часа полтора туда-сюда катаются ребята на черном джипе «Чероки», — добавила она.

— Записала номер машины?

— Разумеется. — Лиза кивнула. — Но не думаю, что нам это чем-то поможет. Такая хитрая сволочь, как местный заправила, вряд ли проколется на подобной ерунде.

— Хитрые сволочи, — назидательно сказал я, — как раз только на ерунде и прокальваются. Потому что слишком заняты, страхуясь от серьезных вещей. Ладно, все. Заткнулись, работаем.

Лиза вынула из кошелька купюру. Зомби слегка оживился,

переступил с ноги на ногу и зябко поежился, привлекая к себе внимание.

Я натянул тонкие латексные перчатки телесного цвета (такие не слишком бросаются в глаза) и шагнул вперед. Два метра. Купюра перекочевала в раскрытый пакет, а в воздухе запахло полынью. Полтора. Лиза сделала вид, что читает надпись на картонке. Метр. Мертвый снова переступил с ноги на ногу, точно они у него затекли. Остро пахло застарелой мочой и вонью разлагающегося тела. Он чуял меня. Он знал, кто я. И это заставляло его мучиться совершенно невыносимо. Лиза вытащила еще одну купюру и пошуршала ею. Это подействовало буквально на пару секунд.

— Последи, чтобы он не подходил ко мне ближе, — попросил я, стараясь не дышать слишком глубоко.

Она кивнула и замкнула вокруг нашего сегодняшнего клиента защитный круг, пшикнув под ноги святой водой из распылителя.

Святая вода не делает с мертвыми ничего такого, что показывают в голливудских фильмах. Я имею в виду, в обрызганном ею ходячем трупе не появляются дырки и он не падает на землю как подкошенный. Фактически она для них безвредна, и я до сих пор не знаю, почему они так боятся ее. Но до сих пор это был лучший из известных мне способов придержать зомби, не навредив ему.

Я всегда надеюсь, что в этот раз у меня все получится без того, чтобы его касаться. Дело не в естественной брезгливости человека, точно знающего, какая зараза прямо сейчас активно размножается внутри и на поверхности кожи этого существа. И даже не в страхе перед возможным нападением покойника.

Сами по себе мертвые не представляют опасности и неагрессивны, как неагрессивен медвежий капкан. Он стоит там, куда его поставили, и делает то, что должен делать. Ни один известный мне медвежий капкан не будет с воплями гоняться за вами по лесу, даже если вы — медведь. Но он защелкнется и сломает вам ногу, если вы окажетесь достаточно глупы, чтобы активировать его. В практическом смысле поднятый мертвец — такая же тупая и примитивная тварь. Запертый в собственном медленно разлагающемся теле, он может очень страдать, но действовать это его не заставит.

Человек не способен оторваться от земли и взлететь. Для этого ему нужен самолет.

Ходячий покойник не способен сделать что-то без приказа хозяина. Даже умереть. Для этого ему нужен я. Точнее, не столько я, сколько моя свобода воли. Подошла бы и чья-нибудь еще, тут разницы нет, но вот беда — не у всех получается влезть в чужую шкуру.

А некоторые двери открываются только изнутри.

— Ты следишь? — уточнил я.

— Слежу, давай быстрее, — отозвалась Лиза.

Зомби изо всех своих дурных сил рвался ко мне. Он не пытался обойти Лизу, заступавшую ему дорогу, как это сделал бы живой человек. Просто тупо пер и пер, похныкивая от боли и страха.

Ни святая вода, ни разбрызганное тут эфирное масло *Artemisia absinthium* нашему целеустремленному мертвому другу особенно не мешали. Черт, паршиво. Я прикрыл глаза и велел себе успокоиться. Будем надеяться, что минут пять у меня еще есть в запасе. Мало, очень мало, но я успею. Должен успеть.

Один из базовых симптомов наступления преагонального состояния организма, а затем и агонии — расстройство дыхания, приводящее к гипоксии и нарушениям деятельности центральной нервной системы. Вдохи становятся резкими, естественный ритм дыхания теряется, а темп все нарастает и нарастает, пока не достигнет условного максимума, а потом человек просто перестает дышать, как будто система внутри него выгорает. Я вытянул руки так, как будто хотел обнять ходячий труп, удерживаемый Лизой, и принялся дышать по схеме Неговского — коротко и глубоко. Обычно мне хватает нескольких вдохов, чтобы голова закружилась и в ушах начала стучать кровь.

Это единственный известный мне способ быстро объединить свое сознание с сознанием мертвого человека, которого мне нужно положить обратно в землю. Все люди умирают по-разному. Смерть от инсульта не похожа на смерть от ишемической болезни сердца и здорово отличается от смерти, вызванной обширной кровопотерей, однако все они объединены четкой последовательностью смены терминальных, или пограничных, состояний.

У каждого из этих состояний есть признаки, надолго запоминающиеся всякому испытавшему смерть. Пользуясь этими воспоминаниями, я открывал моего мертвого клиента, как студент открывает бутылку пива зажигалкой при отсутствии открывашки. Мне было бы проще, знай я заранее, как и отчего он умер, но такая удача подвалила мне только раз за все время моей работы с Лизой. Тогда на «Киевской»-кольцевой кто-то из наблюдателей обнаружил жутко испуганную мертвую тетеньку с плакатиком «помогите умирла мама» и собственным, заполненным от руки свидетельством о смерти с «острой двусторонней полисегментарной пневмонией» в графе «причина».

Я вскрыл его быстрее, чем рассчитывал, — и насторожился. Мне не нравится, когда что-то получается легче, чем должно бы. Как правило, потом за это приходится расплачиваться. И чаще всего — именно тем, чем ты платить не хочешь. Не то чтобы я был очень жадным типом, но свои траты предпочитаю планировать заранее.

Воздух, пропитанный вонью, казался мне теплым и густым. Я знал, что стою посреди промозглой московской зимы, но кожей чувствовал тяжесть худжандского августовского полдня, трескающегося по швам от жары. Московские минус семь ощущались как плюс двадцать восемь, не меньше. Не открывая глаз, я содрал с себя куртку и уронил под ноги.

Уже не страшно, почти закончил.

Простыть за пять минут я, скорее всего, не успею, а если и успею — невелика беда. В ушах так громко стучала кровь, что услышать, что кричит мне Лиза, я не сумел. Наверное, это было что-то важное, но я не мог позволить себе отвлечься.

— Потом. Все потом, — сказал я, изо всех сил стараясь не потерять связи с нашим покладистым мертвым клиентом.

Очень трудно долго держать руки на весу. Кроме того, часто не вполне очевидно, какие конкретно руки тебе нужно не уронить, если ты пытаешься одновременно контролировать два тела. Мертвый попрошайка оказался очень восприимчивым. Несчастный, измученный и перепуганный, он готов был поделиться со мной любой информацией, лишь бы я помог ему выбраться из этого кошмара. Обычно зомби с Курского вокзала — существа недоверчивые и плохо осознающие себя. Вы пробовали когда-нибудь решать рабочие вопросы с чело-

веком, пьяным в хлам? Даже если он хорошо к вам относится и хочет помочь, легко это обычно не бывает. Заставить мертвого действовать хоть сколько-нибудь осознанно еще сложнее.

Это мертвый парень оказался исключением из правил. Ему было очень плохо и страшно. Его «плохо и страшно» длилось уже довольно долго, но мыслить с достаточной четкостью это ему не мешало. В своей нынешней жизни, которая началась вскоре после того, как небритый врач констатировал его смерть от остановки сердца, он был счастливо женат и последние десять лет вместе с женой занимался исследованием осознанных сновидений. И сейчас он полагал, что ему снится кошмар, что он спит и по какой-то причине не может проснуться.

Это было невероятно соблазнительно. Настолько соблазнительно, что я не удержался.

Я назвал его по имени.

— Кто тебя поднял, Давлат? — спросил я. И только потом сообразил, что допустил очень большую ошибку.

Старое имя воткнулось в него, как нож в подставленную ладонь.

Прошло насквозь.

Пришпилило к тяжелому мертвому телу.

Овещество.

Я почувствовал, как он испугался. Сонная уверенность покинула его, уступив место панике, — так проваливаются в полынью, прежде захлебываясь ужасом, а потом уже ледяной темной водой. Зомби застонал, зачмокал — и вдруг резко дернул вперед. Руки убрать я не успел. Он прижался лицом к моим ладоням и удовлетворенно замычал.

— Не дай мне упасть, — крикнул я слегка растерявшейся Лизе.

Сердце успело стукнуть всего пару раз, когда на меня накатило. Больше всего на свете в своей работе я ненавидел именно это.

Тьма, бесконечная и гулкая, навалилась на меня, подмяла под себя и вошла так, как будто именно я был случайным гостем своего тела, а она — полноправной хозяйкой. Она пахла прозрачным холодным осенним днем, когда под ногами людей шуршат мертвые листья. В ней была уютная тяжесть земляных комьев, скрежет лопаты по камню, мягкое повизгива-

ние колес железной тележки, приглушенный матерок, звяканье горлышка водочной бутылки, поцеловавшейся с краем стакана. И абсолютное, безусловное принятие меня — таким, какой я есть, потому что именно такой, отличающийся от других, похороненных здесь и приходящих сюда, я был хорош для нее. Тьма ждала меня параноиком и лентяем. Тьма ждала меня слабаком, не сумевшим бросить курить без посторонней помощи и привыкшим на ощупь искать свежие носки в грудке выстиранного машинкой белья. Тьма ждала меня не умеющим разбираться в музыке и не понимающим Толстого. И для нее я был совершенством просто потому, что был собой.

Я боялся, что однажды мне не хватит сил от этого отказаться. Это было как скользить по ледяной горке в детстве — и весело, и жутко, и совершенно невозможно остановиться.

Очень немногие люди умирают без страха по одной простой причине: в том времени и в той части мира, где мы живем, принято противопоставлять жизнь смерти, отгораживаться от нее и делать вид, что она — отрицание и конец всего. Фактически это все равно что считать орла — концом решки или правую руку — отрицанием левой.

Или лед — небытием воды.

«Мысли позитивно! Конечно, ты выздоровеешь! Не сдавайся!» — говорят родственники человеку, уже физически осознавшему собственную смертность. Им кажется, что они могут отменить смерть, отрицая ее, но все, чем они на самом деле могут помочь умирающему, — не бояться за него.

Он вынужден слезть с печи, на которой пролежал тридцать лет и три года и наконец пойти, а они старательно уверяют его в том, что у него непременно получится лежать дальше, если он будет мыслить позитивно. Они делают это, даже если точно знают, что лгут. Как-то не принято говорить человеку: «Ты болен и теперь непременно умрешь. Мне будет жалко расстаться с тобой, но я рад, что все идет нормально». Однажды мир вдыхает человека со всеми его детскими травмами, неблагоприятными поступками, предательствами и злыми мыслями, а потом выдыхает его обратно. Чистым. Тем, кто готов быть героем совершенно новой истории, которая, может быть, выйдет у него более совершенной. Но тело, которое он носил так долго,

отказывается отпускать его без драки. И каждый из нас с детства привык сражаться против себя на его стороне.

Шестилетка боится воображаемого волка, притаившегося в шкафу, и волк этот для него достаточно реален, чтобы малыш описался.

Старик боится умирать, потому что жизнь — это свет и тепло и долгие разговоры с родными, а смерть, в противовес ей, — тьма, и холод, и молчание.

Такое противопоставление так глубоко въедается в сознание, что иногда даже поднятого некромантом покойника бывает трудно вытолкнуть через смерть обратно в его текущую нормальную жизнь. Он не думает: «О, как хорошо, что кто-то пришел и починил порядок вещей». Он думает: «А-а-а, я умираю, помогите!» И потом, спустя много лет, он будет в ужасе просыпаться ночью, внезапно вспомнив себя мертвым. Если, конечно, сохранит здравый рассудок после получения такого опыта.

Я думаю, это вполне годная причина ненавидеть тех, кто поднимает мертвых ради денег.

Некоторые верят, что человек, умирая, отправляется в специальное место, предназначенное для мертвецов, и больше никогда не покидает его. Если бы это было так, может быть, я относился бы к поднятию мертвых иначе. Вечность — это слишком долго для того, чтобы провести ее в одном месте, даже очень клевом. Но так уж вышло, что я знаю, как на самом деле устроена эта система.

Однажды ты умираешь.

Твое тело перестает иметь какое-либо значение — так же, как время, пространство и другие вещи, привязывающие живых к их реальности. Ты проходишь сквозь смерть, как игла сквозь ткань. Ты рождаешься другим человеком в другом месте, взрослеешь, иногда женишься, находишь работу и, может быть, строишь дом. Все у тебя хорошо. Или, наоборот, плохо. Это не имеет особенного значения, потому что это все равно твоя собственная новая жизнь, твое чертово настоящее, твоя нынешняя дорога, которую ты должен пройти — от появления на свет до того момента, когда тебе придется снова встретиться со смертью.

Но пока кости твоего прежнего тела лежат в земле, кто-нибудь вроде меня может дернуть за хвостик нитки. И втащить

тебя назад, когда ты будешь возвращаться из школы, засыпать рядом с девушкой или пить виски с друзьями, отмечая рождение своего первенца. Через час, неделю, месяц тот, у кого есть власть над мертвыми, может взять твое прежнее тело и забрать тебя из любой минуты твоей новой замечательной жизни. Большинство людей уверено, что время линейно. Проблема в том, что это не так, если речь идет о смерти.

Пожалуй, это единственное, чем смерть действительно похожа на сон: бывает, что ты проживаешь в нем целую жизнь, а потом просыпаешься утром, понимая, что прошло всего несколько часов.

Только в нашем случае в пробуждении нет ничего хорошего.

Я не знаю, как объяснить это проще, не нарисовав схему, но вот так оно есть.

Парня, который приехал в Москву из Худжанда на заработки и умер здесь неделю назад от остановки сердца под именем Давлата Темури, в его текущей жизни звали Никласом. И он прекрасно помнил, где живет, чем занимается и с кем дружит. Я мысленно сказал «спасибо» всем, кого следовало за это поблагодарить. Частенько до этих воспоминаний очень трудно добраться. Сознание блокирует их; в этом есть очень много милосердия и столько же вреда. Человеку проще смириться с рабством, если он убедит себя в том, что у него никогда не было свободы. Но в этом случае даже Авраам Линкольн не сможет освободить его.

— Ландскруна, парень, — прошептал я, зная, что он услышит меня, как бы тихо я ни говорил. — Твоя остановка, пора выходить. Садись на троллейбус возле Северного лазарета, выходишь в Шеппсбронне — и ты дома. Слышишь — будильник звенит. Давай просыпайся, Никлас, у Линды уже завтрак готов.

Я услышал, как он протяжно ахнул, — и перестал его чувствовать.

Для того чтобы отправить человека, вдернутого в свое старое мертвое тело, обратно домой, нужно очень много энергии. Во время агонии, предваряющей смерть тела, умирающий организм обычно теряет от шестидесяти до восьмидесяти граммов веса за счет сжигания нуклеотидов и истощения митохондрий клеток, но агональное состояние редко длится больше

нескольких минут. Поднятое же вторично тело, как только человек покидает его, распадается очень быстро и почти полностью — от него остается лишь немного пахнущей гнилью воды и фосфата кальция. Все то время, которое проходит от момента оживления трупа до положения его обратно, зомби существует как бы в кредит. И проценты у этого кредита более чем грабительские.

— Все, уходим! — нервно сказала Лиза. — Ты как?

— Подожди минутку, сейчас, — отозвался я, с трудом открывая глаза. Потеряв опору, я чуть не свалился прямо на вонючий асфальт площади Курского вокзала, но каким-то чудом сумел упасть на руки. На состояние перчаток это уже никак повлиять не могло.

Совершенно не помню, как я умудрился это сделать, но я молодец.

Трудно собраться сразу после того, как уложишь мертвого. Ощущение такое, словно долго-долго пер на гору санки, в которых кто-то уже сидит, потом встал сзади на полозья, оттолкнулся и поехал вниз, но почти сразу же спрыгнул. Обычно мне достаточно несколько минут, чтобы прийти в себя, но сейчас нужно было торопиться.

Лиза протянула мне руку, и я встал. Голова кружилась, в ушах шумело, и перед глазами все плыло. Утром сцепиться с вампиром, обещавшим мне кучу неприятностей, не успеть пообедать, отменить встречу с перспективным клиентом, а потом чуть не отключиться возле здания Курского вокзала, укладывая зомби в землю, — вот это я называю «действительно плохой день».

— Вот же лось здоровый какой! — вздохнула Лиза, глядя на то, что осталось от нашего сегодняшнего клиента, — кучку мокрой вонючей одежды и около полулитра жидкой грязи, вытекающей из-под нее.

Я хмыкнул. Это был ее способ сказать «прости, что я не уследила за ним». Некоторые люди вообще не умеют извиняться, но это еще не делает их плохими парнями. Все знают — для того чтобы быть плохим парнем, нужно гундосить, носить черную шляпу и стрелять без предупреждения.

Лиза не умела обращаться с оружием, а из всех головных уборов предпочтение отдавала выцветшей розовой бандане.

— Все потому, что это мертвый лось, — отозвался я. — У тебя вода есть?

— Только кола, — сказала Лиза.

Я вздохнул и решил, что умыться сладкой коричневой жидкостью будет верхом извращения.

Мобильник, прицепленный к моему поясу, задергался и квакнул, рапортуя о получении нового сообщения. Я аккуратно стащил перчатки, бросил их в заботливо подставленный Лизой полиэтиленовый пакет и внимательно осмотрел запястья. Царапин не было, но на всякий случай я вытащил из нагрудного кармана бутылочку антисептического геля и протер руки. Кое-кто из моих знакомых уверен, что у меня паранойя. Я предпочитаю называть это предусмотрительностью.

Насчет пятна от кофе я мог уже не волноваться. Теперь на рубашке было полно других пятен, к тому же омерзительно воняющих. Блин, да вся чертова рубашка была одним большим пятном!

— Вот теперь самое время ехать к клиенту, — сказал я.

— Я могу отдать тебе свитер, — примирительно предложила Лиза.

— Ага, — кивнул я. — И поедешь домой полураздетой. Молодец! Твой муж меня возненавидит на всю жизнь, и будет прав.

— Олечка тебя простит. — Лиза хихикнула. — Это не самый любимый его свитер. Серый с оленями я бы фиг тебе пожертвовала.

Мы стояли друг напротив друга и ржали как ненормальные. А что нам еще оставалось при такой-то работе?

Дюймовочка вышла замуж за короля цветочных эльфов.

У волшебного существа, жившего среди осколков мраморной колонны, были крылышки, с помощью которых он перелетал с цветка на цветок. Сразу после свадьбы к Дюймовочкиной спине присобачили такие же, чтобы она могла вести себя так же, как новоиспеченный муж. Он дал ей новое имя взамен ее собственного, показавшегося ему гадким. Он назвал Дюймовочку Майей, и она согласилась с этим, потому что хорошенький крылатый мальчик очень понравился ей.

И богатый крот, и сын жабы принципиально ничем не от-

личались от эльфячьего короля, кроме одного: Дюймовочка не любила их. И только поэтому дары их не имели ценности, а образ жизни казался неприемлемым.

Но все счастливые истории любви — это истории компромисса. Тот, кто любит, переломит себя, чтобы стать таким, каким его хочет видеть любимый человек. Это не так трудно, надо только постараться.

Спрятать книжку Рита опять не успела — зачиталась и не заметила появления мужа.

— Отлично! — прошипел Папернов. — Утупилась в свою похабную макулатуру, ничего вокруг не видишь и не слышишь! Сколько раз я тебе говорил, что не хочу видеть подобную низкопробную писанину у тебя в руках?

— Извини, — промямлила Рита. — На платформе ничего другого не было, а ехать полтора часа.

— Тот, кто хочет, ищет возможность, а кто не хочет, — оправдания, — отрезал Папернов и добавил ехидно: — Ты прекрасно знала, сколько тебе сегодня придется ездить. Могла бы утром взять из дома справочник по фестивальному менеджменту, все бы польза была. Ты его уже месяц осиливаешь.

— Извини, — повторила Рита. — Я не подумала.

— Ты никогда не думаешь, а пора бы уже научиться. — Папернов махнул рукой. — Ладно, пойдем. Опаздываем уже невероятно. И выкинь эту пакость.

Рита послушно положила недочитанный роман на скамейку. На обложке загорелый полуголый варвар сжимал в объятиях блондинку не первой свежести. Дрянь. Напрасная трата времени. Бульварщина, которую стыдно читать. Фокус заключался в том, что она и не читала эту историю, как читают Стейнбека или Достоевского. Она открывала книжку и входила туда, чтобы ненадолго перестать быть собой.

Той тридцатилетней неудачницей, которая все время забывает класть ключи на положенное место, неправильно варит борщ и не способна запомнить элементарную последовательность действий по настройке почты на домашнем компьютере.

Конечно, это глупо — воображать себя на месте прекрасной Анны Марии, когда у тебя есть муж, который не упускает ни единой возможности сделать тебя лучше.

Задумавшись, Рита споткнулась и едва не вылетела на до-

рогу, прямо под колеса желтой маршрутной газельки. Папернов поймал ее за руку и вдернул назад.

— Смотри под ноги! — рывкнул он. — Спишь ты, что ли, курица слепая?

Люди часто становятся грубыми, когда волнуются за кого-то, кто им дорог.

Московскую зиму я не люблю, но терплю. В это время года тьма на город сваливается очень рано и от этого не спасают никакие фонари. Зимой здесь иногда кажется, что ночь длится круглосуточно, с кратким перерывом на обед. Дневных заказов у меня всегда не слишком много, зато с наступлением темноты я просто нарасхват. Именно поэтому мой «горячий сезон» обычно начинается в октябре и заканчивается в марте.

Я увидел ее сразу же, как только вошел в кафе: маленькую, довольно дорого одетую и совершенно несчастную женщину. Не заплаканную, а именно несчастную, привычно и без истерик. На первый взгляд, ей было не больше тридцати лет, однако уже со второго становилось понятно, что все дело в макияже. Казалось бы, ерунда — неяркая помада, почти прозрачная пудра, капелька того, капелька сего, но это было наложено с таким искусством, что позволяло выглядеть моложе лет на десять.

— Марина? — спросил я.

— Я рада, что вы все-таки смогли приехать, Кирилл Алексеевич. — Она кивнула, приглашая меня сесть.

Перед нею стоял нетронутый салат «Цезарь», от одного вида которого меня чуть не стошнило. Я молча порадовался тому, что Лиза меня уже не видит, и уселся в глубокое неудобное кресло по другую сторону стола. Почему-то владельцы всех гламурных кафе, в которых я бывал, предпочитали обставлять свои заведения дизайнерской мебелью вместо нормальной. Марина вздрогнула, и во взгляде ее промелькнуло что-то странное. Я нервно принялся.

Так и есть.

Тухлятина.

Чего бы я сейчас только не отдал за возможность постоять хотя бы минут пятнадцать под горячим душем!

— Извините, издержки профессии, — выдавил я. — Только что со срочного вызова, не успел заехать домой.

Теперь еще не хватало, чтобы меня отсюда выставил высокомерный официант! Интересно, кстати, почему Марина так настаивала на том, чтобы встретиться именно тут, а не у меня в офисе?

— Что-то серьезное? — вежливо поинтересовалась Марина.

— Форс-мажор, — коротко сказал я. Очень сладкий черный кофе с долькой лимона — вот что мне было нужно. Голова гудела, и жутко хотелось спать. Марина понимающе покивала и жестом подозвала официанта.

Кофе здесь оказался отвратительный, но хотя бы крепкий. И то хлеб. Я утопил в чашке принесенную дольку лимона, насыпал по меньшей мере две столовые ложки сахара, сделал первый пробный глоток и зажмурился от удовольствия. Да, спасибо, я знаю, что я извращенец, но меня это вполне устраивает. По крайней мере, я перестал бояться, что засну прямо за столом в процессе переговоров с клиенткой. Не знаю, почему так, но мне всегда хочется спать после того, как я всерьез чего-нибудь испугаюсь.

Подождав, пока я допью свой кофе и закажу еще, Марина щелкнула замочком сумочки и выложила на стол небольшую, паршивого качества фотографию, чистую пластиковую расческу и дешевое мельхиоровое колечко с янтарем.

— Я не знала, что может вам понадобиться, поэтому принесла все, что у меня сохранилось, — сказала она. — Не знаю, поможет ли это.

На фотографии улыбающаяся Марина обнимала за талию неприятного худощавого мужика в гавайской рубашке, распахнутой на груди. За спинами парочки можно было разглядеть кусок пляжа, усеянного телами отдыхающих. Я задумчиво побарабанил пальцами по столу. Мужик не понравился мне сразу, причем настолько не понравился, что я с трудом подавил желание немедленно отказаться от этой работы.

Неприязнь была рефлексорной, как разгибание голени при ударе по колену. И на первый взгляд абсолютно беспричинной.

— Его зовут Ник, — сказала Марина. — Никита или Николай, я не знаю. Мы познакомились... на одном курорте неско-

лько лет назад, провели вместе месяц и больше не виделись. Это его расческа из гостиницы, где мы жили, и кольцо, которое он мне купил. Мне нужно найти его. Вы сможете помочь?

Я коснулся лица мужчины мизинцем левой руки и чуть не подавился. Меня вдруг замутило так сильно, что скрыть это оказалось невозможно.

— Вам плохо? — обеспокоенно спросила Марина. — Это что-нибудь значит? Он умер?

Ненавижу, когда кто-то пытается интерпретировать мои реакции, ничего не зная ни обо мне, ни о специфике моей работы. Это могло значить что угодно. Что он умер. Что он занимается дайвингом и прямо сейчас находится глубоко под водой. Что ему делают операцию под общим наркозом. Что он занимается медитацией. Или что я устал и мне надо поспать хотя бы пару часов, чтобы прийти в себя.

— Сегодня — никаких результатов, — как можно спокойнее сказал я. — Я выслушаю вас, может быть, задам пару вопросов. Если я пойму, как вам помочь, я возьму предоплату и поеду домой. Все.

— Ясно. — Она нервно улыбнулась, положила руки на стол и переплела пальцы. — Поймите меня правильно — мне очень нужно найти этого мужчину. Он является биологическим отцом моего ребенка. Я обещала сыну, что он его увидит и... А неделю назад я узнала, что он в детском саду говорит, что его отец — волшебник и что он тайком от меня с ним видится. Максиму скоро шесть, он очень хороший мальчик, но ему нужен отец. Я обещала его найти. Доверие сына для меня значит очень много. Я не переживу, если он будет считать меня обманщицей.

У меня никогда не получалось серьезно относиться к людям, склонным произносить пафосные речи и заламывать руки вместо того, чтобы сделать что-то действительно полезное. Они называют это художественным преувеличением, необходимым, чтобы подчеркнуть глубину своих переживаний. Я — враньем. Может быть, это потому, что мне нет никакого дела до чужих переживаний. Меня самого иногда поражает, каким черствым и бездушным я становлюсь, когда хочу спать.

— Колечко можете забрать, оно не пригодится, — сказал я. — Если я правильно понимаю, он просто заплатил за него.

— Это символ нашей любви, — растерянно улыбнулась Марина. — Вы не верите в любовь?

Почему-то это вопрос не показался мне самым уместным в мире. Нет, я не думал, что она задала его с каким-то особенным подтекстом. Некоторые женщины используют его, чтобы быстро определить, с кем приходится иметь дело и в зависимости от полученного ответа относят собеседника либо к циникам, либо к неудачникам, либо к романтикам. Проблема была в том, что я вообще не очень понимал, что она имеет в виду. И был почти уверен в том, что она сама тоже не вполне понимает.

Найти партнера для стимуляции выброса в кровь фенилэтиленамина, а потом, когда кайф кончится, расстаться по обоюдному согласию? Я не назвал бы это любовью, хотя в мире существует множество людей, считающих, что это именно она. Просто она не бывает вечной.

Впрочем, даже многолетние совместные ужины и отпуска в Египте, штамп в паспорте, дача по выходным, пара детей и собака — все это не столько любовь, сколько элементы налаженного быта, маркеры удобного обоим сожительства. Не так плохо, если нет ничего другого. Проблема в том, что привычка получать по утрам чистые носки и завтрак, делить пополам траты и вместе смотреть телевизор никогда не оказывается сильнее смерти.

Я знаю это доподлинно.

— Кирилл Алексеевич, неужели вы не верите в любовь? — повторила Марина.

— Это никак не сказывается на моем профессионализме, — сухо отозвался я.

В стекла панорамных окон кафе стучал ветер. Сухой снег, легкий, как ангельская перхоть, сыпал и сыпал с неба, будто кто-то там, наверху, задумал утопить Москву в белом. Недовольно пофыркивали друг на друга машины, стоя в пробке. Неуклюжие с непривычки пешеходы месили ногами снег, толкались, поднимали воротники и ругались, поскальзываясь на льду. «Новогодний сейл!» — было написано в витрине магазина на другой стороне улицы. Я машинально прочитал это как «новогодний осел» и едва удержался от того, чтобы удивленно не заржать.

Марина закурила, нервно стряхнула чешуйку пепла в стек-

лянную пепельницу, как по волшебству материализовавшуюся перед ней.

— Спрашивайте, — предложила она. — А то я не соображу, с чего начать.

— Не возражаете? — Я вытащил из правого кармана диктофон и положил его между нами. — Естественно, я потом удалю файл.

— Все в порядке, — отмахнулась она. — Не такая уж это секретная информация.

Ник любил чернослив и терпеть не мог инжир. Говорил «буду скучать за тобой», однако по оставленному Мариной номеру телефона не позвонил ни разу. Нет, она не знает, кем он работал. Сказал, что родился в небольшом городке близ Харькова, но почти всю жизнь провел в Питере. У него были ухоженные руки, не как у других мужчин. Он любил, но совершенно не умел петь, увлекался велосипедными прогулками и изучением мертвых языков. У него были странного цвета волосы. Марина утверждала, что ее Ник — пепельный блондин. На самом деле он был просто серый. Как мышь.

Ни одна из этих черт по отдельности не казалась мне неприятной, однако все вместе почему-то раздражали. Я злился все больше и больше, но отказываться от работы не собирался. Не так часто мне попадаются такие простые и не требующие напряжения заказы. К тому же пора было платить за телефон и за электричество. И надо было купить наконец новые зимние ботинки. Блин, а ведь еще новогодние подарки! Ладно, подумаю об этом потом.

— Хорошо, достаточно. — Дослушав ее, я кивнул и выключил диктофон. — Я позвоню вам в четверг ближе к вечеру. Думаю, к этому моменту у меня на руках уже будут первые результаты.

— Так просто? — удивилась Марина. — Не понимаю, за что вы тогда берете такие большие деньги!

— За работу. — Я улыбнулся ей так вежливо, как только смог. — Шоу в цирке показывают.

— И все же? — упорствовала она. — Как я могу быть уверена в том, что вы — действительно хороший специалист и результат действительно будет? Я же понятия не имею, каким образом вы получите свои сведения! Может быть, вы соизволите хотя бы рассказать мне об этом?

Я вполне мог бы соизволить, однако это ничем бы не помогло Марине. Ей не нужны были сведения, которые она никак не смогла бы не только применить, но и просто соотнести с чудесной, безопасной реальностью, в которой привыкла жить. Она хотела, чтобы я дал ей уверенность — из рук в руки, как она сама только что дала мне деньги.

— Я обращалась к хорошим частным детективам, и мне сказали, что найти человека, имея такой набор исходных данных, невозможно, — продолжила она. — Прошло много времени, он мог обманывать меня. Вы же смотрите на фотографию и говорите, что отыщете его к четвергу.

Я не стал поправлять ее, хотя вовсе не обещал к четвергу уже закончить поиски и сдать работу. Наверное, следовало бы.

— Мои контакты вам дала Олеся Бойнич, — сказал я вместо этого. — Вы могли бы спросить у нее, смог ли я ей помочь и можно ли мне доверять.

— Но у меня особая ситуация! — возмутилась Марина. — Да, вы отыскиали ее собаку, но в моем случае все намного сложнее! Поймите, я просто хочу быть уверена в том, что ваш профессиональный уровень достаточен, чтобы мне помочь.

Почти все мои клиенты свято убеждены в том, что их ситуация — особая. И все ошибаются. Меня сложно удивить, зато вполне можно разозлить. Я не самый сдержанный человек в мире.

— По крайней мере, вы могли бы показать мне что-нибудь из того, что умеете, — с обидой добавила она. — Олеся сказала, что вы экстрасенс... Не знаю, чашку хоть подвигайте.

Наверное, я мог бы пропустить это мимо ушей. Глупость и бестактность — не такие уж страшные преступления.

Кофе в моей чашке оставалось на доньшке. Я отставил ее и принялся аккуратно складывать бумажную салфетку — пополам, еще раз пополам и еще. Это плохая привычка, но, когда мне нужно сосредоточиться и успокоиться, я всегда верчу что-нибудь в руках.

— Этого вы тоже не можете? — не унималась Марина. — Не знаю тогда... карты Таро? Сеанс гадания на кофейной гуще?

Я знаю, что это не оправдание, но у меня был действительно плохой день. Больше всего на свете я хотел попасть домой. Я так вымотался, что в меня уже не лезла еда. Я мерз — не от холода, от усталости. И ругал себя за то, что согласился прие-

хоть. В таком состоянии меня не следует подпускать к другим людям. Ради их же блага.

Мне следовало извиниться и слиться.

Будь я немножко умнее, я наверняка нашел бы способ вежливо отделаться от зарвавшейся клиентки, забрать предоплату и поехать домой спать.

Вместо этого я закрыл глаза, чтобы не отвлекаться на посторонние вещи, и почти сразу увидел то, что было пригодно для гадания в значительно большей степени, чем кофейная гуща. Во всяком случае, для моего гадания. Он был совершенно незаметен под волосами — короткий, как выдох, белый шрамик чуть повыше Маринино виска. Его невозможно было обнаружить, расчесывая ей волосы или глядя по голове, и даже чуткие пальцы массажиста вряд ли отыскали бы его.

Маленький.

Такой маленький, что легко было вообразить, что его на самом деле не существует. Крошечная штучка, штрих на коже головы, перечеркнувший пару десятков волосяных луковиц. Фигня какая-то в самом деле — если смотреть со стороны. Но для Марины он все еще оставался свежим ожоговым рубцом, постоянно растущей дырой, которую не получалось заткнуть ни хорошей работой, ни квартирой, ни детьми. Для меня он был больше внешнего долга Великобритании.

Ты ведь знаешь, о чем я говорю, правда?

Давай попробуем вместе решить одну простую задачку. Дано: каждая третья женщина в мире была избита мужчиной, с которым живет, хотя бы раз в жизни, при этом примерно в половине случаев этому предшествовали затяжные семейные конфликты. Согласно статистике, упомянутые затяжные конфликты хотя бы раз имели место примерно в восьмидесяти процентах семей. Рассчитай вероятность того, что именно ты однажды получишь по морде от человека, которого любишь.

Возможно, это произойдет ранней осенью, когда еще не все листья на деревьях пожелтеют, а морозящие дожди уже станут привычным явлением. Тебя будет подташнивать всю дорогу до офиса, потому что ты проспичь и не успеешь позавтракать. Поспешно подкрашивая губы в вагоне метро, ты увидишь, что у тебя красные глаза, потому что ты спала всего три часа. Как только ты сядешь на свободное место, какой-нибудь придурок наступит тебе на ногу и обзовет шалавой, разлег-

шейся здесь, как будто другого места нет. Ты опоздаешь. Твой начальник поймает тебя у турникета и, сальновато улыбаясь, сообщит, что хотел выписать тебе премию, но теперь понял, что тебе она не так уж и нужна.

«Впрочем, — добавит он, — ты прекрасно знаешь, как именно ты могла бы ее заслужить».

Перед самым обедом тебе скажут, что проект, обещанный тебе, отдали новенькой, протезе начальника отдела маркетинга, а потерянный тобой степплер (за него тебе уже влетело) нашелся у того самого программиста, которого ты уже месяц пытаешься вежливо отшить. Около шести вечера ты узнаешь, что макет, техзадание на который тебе скинули час назад по внутренней почте, нужно доделать к завтрашнему утру.

Как хочешь, так и выкручивайся.

Вопросы?

Ты скрипнешь зубами, разболтаешь в чашке дрянной растворимый кофе и вернешься на рабочее место. Твой начальник выглянет из-за своего тридцатидюймового монитора (господи, зачем ему такой?!) и, как крыса, сверкнет зубами.

Ты приедешь домой около полуночи, несчастная, до предела вымотанная, доведенная до тихой истерики пошлыми шуточками начальника и к тому же голодная. У тебя будет зверски болеть голова, и все, чего тебе еще будет хотеться, — это горячая ванна и таблетка цитрамона. И, может быть, еще сдохнуть. Именно этот день выберет тот, кто есть источник любви, верный друг и твоя единственная защита от всего того кошмара, что происходит снаружи, чтобы устроить тебе твое личное, персональное «однажды».

Однажды ты узнаешь, что носишь слишком короткую юбку, слишком громко смеешься, слишком много болтаешь. Однажды тебя убедят в том, что у тебя неподходящие друзья, что ты обязана сидеть дома и не должна иметь собственных денег, а если ты не согласна с этим, значит, «ты все это время строила планы, как бы от меня избавиться!». Однажды тебе скажут, что ты сама во всем виновата, что ты истеричка, постоянно врешь и провоцируешь своего мужчину. А чтобы ты лучше усвоила все это, тебя накажут.

После того как это произойдет, ты больше никогда не будешь в безопасности.

Ты можешь попытаться уйти. Ты можешь сменить кварти-

ру, имя, номер телефона, адрес офиса и образ жизни, вот только себя саму так просто не поменяешь. Мы не можем сдать себя по гарантии, если в нас что-то неожиданно ломается, чтобы получить взамен совершенно новенькую себя. Белый шрамик, крохотное молчаливое чудовище, поселившееся в тебе в то мгновение, когда ты кожей почувствовала, насколько беспомощна и уязвима, будет жрать тебя изнутри, сколько бы ты ни зарабатывала. Ты можешь иметь сколько угодно Gucci, и Louis Vuitton, и Cartier — это ничего не изменит.

Но поскольку всем на это глубоко наплевать, тебе придется разбираться с этим самостоятельно. Даже после того, как тебя унизили, у тебя все еще есть жизнь и ее надо жить дальше, причем желательно так, чтобы не приходилось постоянно оправдываться перед окружающими. Тогда ты прикрываешь свой шрам волосами и делаешь вид, что его не существует. Он не исчезает от этого, но — слава богу — при необходимости всегда можно соврать.

И ты говоришь: «Он разбил мне сердце, и я не могу еще раз полюбить».

Ты говоришь так, чтобы не признаваться в том, что он разбил тебе лицо и завернул руку за спину так сильно, что сломал ее, а сейчас у тебя ребенок, и ты просто не можешь позволить себе пустить в дом мужчину. Это равнозначно тому, чтобы держать в доме хищника. А ты ведь не дура, по крайней мере, не конченная дура.

Да, это другой мужчина.

Ты не чокнутая, ты прекрасно понимаешь, что он — не тот, от кого остался шрам у тебя под волосами. У него другое имя, другой номер телефона, и он может показать тебе паспорт, где будет написано, что он родился в Архангельске, а не на Сходне.

Но это мужчина. У него есть яйца, и волосатые ноги, и кулаки вдвое больше твоих. Когда он смотрит на тебя, ты поджимаешь живот. Он думает — это потому, что он тебе очень нравится. Иногда ты тоже думаешь так и потому в пятницу отправляешь сына к бабушке, а сама — прогулка, недорогой ресторанчик, бутылка вина на двоих у него дома — остаешься на ночь в его квартире.

Секс тороплив, неловок и не слишком удачен, но твой партнер вежлив и нежен, а это всегда внушает надежду на то,

что следующий раз будет лучше. Он говорит, что ты — лучшее, что случилось с ним в жизни. Ты доподлинно знаешь, что он лжет, но улыбаешься и ласково касаешься его подбородка. Он шепчет тебе на ухо, что у тебя потрясающая улыбка и что сейчас в его постели ты похожа на довольную кошку. Тебе приятно, и ты засыпаешь, положив голову ему на плечо, — не столько потому, что тебе этого хочется, сколько потому, что он этого ждет.

Утром он говорит, что не хочет тебя торопить, но ты — именно та женщина, с которой он мог бы построить Серьезные Отношения. В этот самый момент у тебя начинает ныть живот. И тогда ты вспоминаешь, что это за щекотное чувство, зарождающееся в точке чуть ниже пупка, когда ты видишь мужчину, за которого могла бы выйти замуж.

Это страх.

Я открыл глаза и понял, что все то время, пока говорил, держал Марину за руки. Она не сопротивлялась, хотя это наверняка казалось ей неудобным и неловким. Ее пальцы были холодными и влажными. Я смущенно убрал руки и с трудом подавил желание вытереть ладони о штаны. Как будто лягушку погладил, честное слово!

— Ты сказала: «Пожалуйста, отпусти, не надо, я же люблю тебя, правда-правда!» И тогда он ударил тебя головой о край ванны, — торопливо закончил я и поднял голову, чтобы посмотреть на нее.

Она глядела на меня с ужасом, и ее нижняя губа тряслась, как у старухи. Самое противное во всем этом было то, что Марине было не столько страшно, сколько стыдно. Приличные женщины никогда не обсуждают подобных вещей с посторонними мужчинами. Строго говоря, с приличными женщинами такие вещи и не случаются. Марина уже много лет изо всех сил старалась казаться приличной женщиной, а тут появился я — и все испортил. Всем известно — если кто-то избил тебя, он был спровоцирован.

Тем, что ты слабее.

Тем, что не можешь дать сдачи.

Тем, что ведешь себя как жертва, как дурак или как шлюха.

Выйди и поспрашивай людей — каждый второй скажет, что если тебе дали по морде, то это не просто так и ты, навер-

ное, сам в этом виноват. Конечно! Сколько угодно! Это первое, о чем ты думаешь: за что? что я сделал не так? почему это случилось со мной? Но тогда, когда у тебя лицо разбито и рука как-то странно вывернута, вряд ли в первую очередь стоит разбираться с собственной виной.

У меня изо рта на скатерть капнуло красным. Черт, больно-то как!

— Что это? — прошептала Марина.

Я вытер кровь с подбородка ладонью и только потом сообщил, что здесь есть бумажные салфетки. Красные, что отрадно.

— Поспешные браки редко бывают счастливыми. Сломанная рука и сотрясение мозга... Дороговато получилось, — сказал я, помолчал и зачем-то добавил: — Я отделался двумя выбитыми зубами и вывихом.

— Вы гей? — опешила Марина.

— С чего вы взяли? — ответил я. — Вы считали, что на такое способны только мужчины? Нет, увы, это я так удачно женился.

— Извините, я не хотела вас обидеть, — смутилась Марина.

И я принял ее извинения, хотя они ничего не меняли и на фиг не были мне нужны. Так делают все воспитанные люди.

Фотографию я забрал с собой. И все-таки, какого черта бывший ухажер моей клиентки так мне не понравился?

Толстый, очень крупной вязки черный свитер Лизы был мне коротковат, но по крайней мере не жал в подмышках, как жали бы любые другие шмотки на пару размеров меньше, чем надо. Лиза худая и мелкая, как сеттер. Рядом со своим огромным, как ирландский волкодав, мужем она выглядит совсем дюймовочкой. У нее острые лопатки и длинные пальцы прирожденной пианистки. Ей наверняка пошли бы платья от Диора и ажурные блузки с юбками-тюльпанами под длиннополую шубу, но она обожает мешковатые свитера, темные джинсы, тяжелые гриндерсы и мужские байковые рубашки. На худого, но довольно крупного в кости меня ее свитер, пусть с трудом, но налез. Теперь он слегка пованивал тухлятиной, но я надеялся, что стирка в машинке сможет это исправить.

В мире существует масса разноцветной химической дряни, позволяющей решать такие вопросы. Если бы все мои пробле-

мы разруливались так же легко, я был бы очень счастливым человеком. Или, во всяком случае, куда более здоровым.

— С вас семьсот рублей сорок копеек, — сообщила кассирша, подозрительно глядя на меня. С ее точки зрения, я сейчас, скорее всего, был похож на начинающего бомжа. Я вытащил из внутреннего кармана куртки конверт с деньгами, врученный мне Мариной, и расплатился, получив в нагрузку пару бесплатных пакетов.

В супермаркетах я чувствую себя в безопасности. Яркий свет, круглосуточно дежурящий охранник, внимательно следящий за тем, как бы кто чего не украл, и куча сотрудников, которым нет до тебя никакого дела, — это меня успокаивает.

Дома меня ждал пустой холодильник, перегоревшая лампочка в ванной, гора старых носков, предназначенных на выброс, и пустая жестяная банка из-под кофе. После работы у меня частенько нет ни сил, ни желания тащиться в магазин. И тогда мне кажется, что было бы здорово, если бы кто-нибудь, кроме меня, заботился о пополнении запаса лампочек, сахара и кофе в моей квартире.

Но у меня есть правило. Я никогда и никого не пускаю к себе домой. Знаю, это похоже на проявление паранойи, но я уже дважды нарушал его раньше. И дважды меня пытались убить не самым безболезненным образом.

Я предпочитаю быть живым параноиком, даже если мое поведение со стороны выглядит странно. Стать психически стабильным трупом я всегда успею.

Это был неудачный день. Мне следовало понять это несколько часов назад. Об этом говорило все: и визит Мартынова с угрозами, и неожиданная резвость покойника с «Курской», и настырность моей клиентки с психологической травмой. Иногда такое случается: твоя судьба складывает все яйца в один мешок и со всей дури дубасит тебя этим мешком по голове. Может быть, этой стерве просто нравится наблюдать за тем, как ты стоишь и обтекаешь.

Неудивительно, что на выходе из супермаркета меня ждали.

Парень в грязно-зеленых штанах и клепаной кожаной куртке, подпиривший спиной колонну на входе, был бы похож на молодого Джонни Деппа, если бы помалкивал. Он неотрывно

следил за стеклянными дверями и, заметив меня, подобрался, как кот перед прыжком.

— Эй, перец! Куда намылился? — неторопливо обронил он. — Дуй сюда. Разговор есть. По душам.

Его приятель отлепился от стены и, не вынимая рук из карманов, двинулся ко мне. Затянутый в камуфлю и массивный, как БелАЗ, с первого взгляда он мог показаться довольно страшным противником, но такие парни обычно довольно неповоротливы.

— Извините, тороплюсь. — Я покачал головой, одновременно прикидывая, куда деть пакеты с продуктами, если ребята решат проявить настойчивость. Перспектива разбить банку кофе или бутылку коньяка о чью-нибудь голову меня совершенно не радовала. Если честно, я вообще предпочел бы избежать конфликта.

— Че дерзкий такой? — удивился клепаный.

— Ребята, поймите меня правильно, — сказал я. — Курить я бросил год назад, денег у меня с собой немного, мобильник старый, копеечный, золотых цепей и колец не ношу. За углом вон того дома находится районное отделение милиции. Может, все-таки по-хорошему расстанемся?

— Говорливый какой! — восхитился клепаный. — Че в бычку попер? Сказано же, поговорить надо. Вот стой и слушай, че тебе умные люди скажут.

Я не выгляжу опасным, и, случается, мне это здорово мешает. Там, где любому качку хватило бы одного недоброго взгляда, мне приходится задействовать тяжелую артиллерию. Многие уверены, что, если ты вешишь меньше восьмидесяти кило и твои руки отнюдь не бугрятся мышцами, тебя нельзя считать серьезным противником.

Они ошибаются.

Камуфляжный взял меня за плечо и подтолкнул вперед. Даже через куртку я ощутил, какая горячая у него рука — так, словно он был пьян или болен. Я принял. Ни перегаром, ни потом от него не пахло. Странно. Но и сладковатой вампирей вони не было тоже. И то хлеб.

— Лапу убери, козел, — негромко попросил я.

Может быть, мне следовало быть более вежливым с незнакомыми людьми. Нормальные люди всегда становятся вежливыми, если вдруг оказывается, что с ними хочет поговорить

кто-нибудь, за кем по пятам ходит здоровенный амбал в камуфле. Вот только я сегодня серьезно вымотался и к тому же не ел с самого утра. Меня трудно было назвать нормальным человеком.

— Ты его не обижай, чувак, — велел клепаный. — Серому же сказали делать, то он и делает. Че, проблемы?

Я послушно шагнул, выставив перед собой руки раскрытыми ладонями вперед — «ты что, какие проблемы?» — и ударил своего конвоира локтем в низ живота. Серый ахнул, как девчонка, и мешком свалился на асфальт. Чтобы получить такой результат, не нужно быть мастером боевых искусств, достаточно просто немного знать анатомию и умудриться нарваться на неподготовленного и очень самоуверенного противника.

Для гарантии я добавил ему ребром ладони в основание черепа. Я терпеть не могу драться, но еще больше не люблю оставлять за спиной того, у кого есть повод пожелать мне зла. Даже если его не было раньше, когда парень очнется, он непременно появится. У меня бы появился.

— Ах ты, падаль! — прошипел клепаный. — Меня предупреждали, что доброго отношения ты не понимаешь.

Просто замечательно! Значит, это было «доброе отношение»... Как интересно.

— А вот с этого места, пожалуйста, поподробнее, — попросил я. — Кто предупреждал?

— Я те шас все объясню, — зловеще пообещал парень, смачно сплюнул себе под ноги и двинулся ко мне.

В том, как он двигался, было что-то не так. Клепаный не шел ко мне, как идут люди, он словно перетекал из одного положения в другое, время от времени замирая. Так, словно пытался осознать, как это у него так ловко выходит.

Ох как мне это не понравилось!

Пару раз мне приходилось сталкиваться с теми, кто так двигается. Есть несколько причин, по которым я ненавижу вампиров. И одна из них заключается в том, что в их присутствии я чувствую себя жертвой — с чернильной надписью «чмо» во весь лоб и запиской «ударь меня», прицепленной на спину. Трудно угрожать тому, кого вы боитесь, но часто это единственный вариант, если вы намерены остаться в живых.

Если хотите, это мой личный шрам, не слишком хорошо спрятанный под волосами.

— Сделаешь еще один шаг — сдохнешь, — предупредил я, расстегивая куртку, чтобы достать из внутреннего кармана свое оружие.

Клепанный усмехнулся, сверкнув зубами. Я уставился на них, давая панику, мутной волной поднимавшуюся внутри меня. Улыбка у него была роскошная. Ни помутнения эмали, ни продольных микротрещин, сеточкой лежащих на зубы всякого покойника старше четырех лет. У того, кто собирается убить вас, как-то не принято спрашивать телефон его дантиста, но я бы рискнул попробовать, если бы мой противник не был вампиром.

Я мог бы поклясться, что он обращен недавно. Он собирался как следует поразвлечься за мой счет, прежде чем сказать то, с чем его прислали. Проклятые быстро привыкают к тому, что ножей и пистолетов можно уже не опасаться, а с людьми можно обращаться как с бродячими кошками.

Но вот беда — в этот раз ему попался ученый кот.

Никто и никогда не потребует у вас показать разрешение на ношение при себе обыкновенного водяного пистолета с помпой, даже заряженного. Он становится серьезным оружием только при выполнении двух важных условий.

Вода в пистолете должна быть святой, а ваш противник — недавно обращенным вампиром.

Я быстро огляделся — стоянка была пуста. Коротким змеиным движением клепанный скользнул вперед, и я выстрелил. Эффект был такой, точно я зарядил пистолет серной кислотой. Клепанный взвыл, схватился за лицо и тут же отдернул руки. Его обожженная кожа стремительно покрывалась пузырями, чернела, расплзалась и кусками отваливалась.

Действительно могущественному вампиру мой выстрел показался бы чем-то вроде мышинового чиха. Но этот не был могущественным. Просто нагловатый немертвый ублюдок, который может позволить себе ходить к хорошему дантисту. Я ухватил его за шиворот кожаной куртки, вздернул и доволоч до стены здания, туда, куда не доставал свет фонаря над входом. Есть вещи, к которым лучше не привлекать внимания окружающих.

— Вот теперь можно и поговорить, если тебе действительно есть что сказать, — предложил я.

У меня болела спина, и к тому же я хотел спать, а в этом состоянии я мало похож на хорошего парня. Даже белая шляпа тут не помогла бы.

— Конечно, я тебе все скажу, какие вопросы! — тут же заныл клепаный. На него было жутко смотреть — его лицо практически облезло. — Я сразу тебе все хотел рассказать, а ты...

Испугавшись, он тут же перестал косить под гопника — ма-сочка слетела с него, как будто ее и не было. С точки зрения основных принципов медицины, разговаривать хоть сколько-нибудь внятно он сейчас не мог. Но вампиры плевать хотели на любые человеческие принципы.

— Ближе к делу, — оборвал его я.

У меня вдруг возникло странное ощущение. Холодок по спине, смутное неудобство — ничего отчетливого. Так, словно кто-то невидимый уставился мне в затылок из темноты. Я едва подавил желание обернуться.

— Рамона хотела, чтобы ты навестил ее как можно скорее, потому что дело не терпит отлагательства, — сказал он. — Она велела передать тебе приглашение. Я должен был убедить тебя принять его.

Хм, текущий расклад становился все более интересным.

— А теперь, дружок, объясни мне, кто такая Рамона, — попросил я.

Ни за одним из своих клиентов я не замечал привычки отпра-влять за мной вампиров. Один раз прислали чернявого водителя, который не говорил по-русски, но это совсем другое дело.

— Рамона — Мать, — произнес он с придыханием. Заглавная буква была слышна в его ответе так четко, что я вздрогнул. — Она старше города, в котором ты живешь. Когда она зовет тебя, нужно идти.

— Это пустые слова. — Я пожал плечами. — Возможно, для тебя они что-то и значат, но для меня — нет. Я не нанимался таскаться черт знает к кому по первому зову. Мне она не мать, так что можешь передать ей, чтобы поискала себе другого фрилансера, поговорчивее.

— Тебе придется наняться, — сказал клепаный. — Рамона хочет, чтобы это сделал именно ты.

— Сделал что? — уточнил я.

— Отыскал и вернул назад того, кто был убит, — ответил он. — Ты должен поднять для нее зомби. Можешь назвать свою цену, она заплатит.

И вот тогда в моей усталой голове наконец что-то щелкнуло и все встало на свои места. Спасибо, этот заказ мне сегодня уже пытались втюхать. Плюс пять баллов за настойчивость, минус десять — за отсутствие мозгов.

— Повторяю еще раз для тех, кто в танке. Я. Не буду. Этого. Делать, — сказал я. — Когда я говорю «нет», я именно это и имею в виду. Не «я подумаю», не «маловато денег», не «попозже». Достаточно ясно?

— Существуют разные способы убеждения, — негромко заметил клепаный. — Деньги — один из самых приятных, но далеко не самый эффективный из них.

Краем глаза я отследил движение слева от нас и повернул голову. Перед стеклянными дверями супермаркета никого не было, однако фотоэлемент сработал, заставив их разбегаться.

Этой одной моей ошибки оказалось достаточно, чтобы все изменить.

Мой собеседник вывернулся и, торжествующе оскалившись, всадил клыки мне в ладонь. Боль была такая, что я едва не заорал, рефлекторно отшатнувшись. В голове у меня как будто взорвалась маленькая бомба, и в глазах стало темно. Я упал, приложившись головой об урну. Руку дернуло, потому что он так и не выпустил ее, присосавшись к ране, как клещ.

Перед тем как уйти, он добавил мне ногой по ребрам, потом еще раз, с оттяжкой. Внутри меня что-то хрустнуло, и дышать стало неудобно. Я открыл глаза. Клепаный стоял в нескольких шагах от меня над своим все еще валяющимся в отключке спутником.

— Я доберусь до тебя, пацаль! — громко прошипел он, глядя на меня с ненавистью. — Ты сам приползешь ко мне на коленях! Следующей же ночью приползешь, и тогда тебе придется за все заплатить.

— Угу, мечтай больше, — прохрипел я в ответ, но он меня не услышал. Он был венцом эволюции, а я унизил его. И теперь он так сильно хотел отомстить мне за это унижение, что любые причины, препятствующие этому, для него попросту

не существовали. Кроме того, власть — такая штука, к которой быстро привыкаешь.

Все кровососы одинаковы: для того чтобы дать им вами пообедать, вы должны доверять им или хотя бы умудриться не заметить, что вас уже начали есть. У каждого из них есть механизм, позволяющий обмануть жертву, внушить ей, что все идет нормально и рыпаться не следует.

Пиявки впрыскивают своей жертве гирудин, а летучие мыши семейства *Desmodontinae*, вампировые, — специфический гликопротеин, чтобы кровь не сворачивалась и жертва не чувствовала боли. Так удобнее жрать.

Слюна вампира содержит в себе целый набор веществ, влияющих, помимо всего прочего, на выработку серотонина, и вызывающих привыкание с первой же дозы. Люди, укушенные вампиром, потом долго не могут заснуть, смеются и, судя по всему, прекрасно себя чувствуют. Через несколько часов эффект уменьшается, а ближе к вечеру следующего дня начинается ломка. Укушенный становится беспокойным и раздражительным, но в этом нет его вины, как нет вины курильщика в том, что он психует и не может работать, оставшись без сигарет. Он чувствует, что мир вокруг него начинает рушиться и ничто больше не имеет ценности.

Все, что ему нужно, — это получить еще один укус.

В цивилизованном мире производителей и распространителей таких веществ сажают, но есть одна тонкость: существование вампиров официально не признано ни в одной стране мира, за исключением Уругвая. Проблема в том, что ни один кровосос еще не исчезал только потому, что кто-то не верит в него. Как правило, нужны более жесткие меры.

У меня аллергия на какой-то из компонентов вампирской слюны. Пять лет назад именно это и спасло мне жизнь.

Клепанный потоптался еще немного, видимо пытаюсь привести в чувство своего спутника, а потом выругался и растворился в темноте двора за супермаркетом. Я полежал, прислушиваясь к внутренним ощущениям, потом поднялся и пошел посмотреть, как там второй. Убить я его не мог, а вот переборщить с силой удара — вполне. Он не был вампиром, и, может быть, ему требовалась «скорая».

Он дышал глубоко и медленно, как будто очень крепко

спал. Я отвернул воротник его куртки, оголив шею. И выругался. Что велели, говорите, то и делает? Ничего удивительного.

Парень был «нимфа», меченый.

Прикусив губу, чтобы не орать, я промыл укус остатками воды из пистолета. Толку от этого было примерно столько же, сколько от пузырька йода при сквозном ранении в плечо, но все лучше, чем ничего. Пальцы на руке сгибались плохо. Кисть отекала и покраснела, ладонь была горячей, а рука слегка онемела, точно я отбил ее обо что-то.

Стандартная реакция. До первого болевого приступа оставалось минут пятнадцать, так что «112» я набирал уже на ходу. Нечестно, конечно, вот так бросать кого-то на улице без сознания, даже если этот кто-то уже не вполне человек, а так — ходячая тарелка супа. Но собственная шкура, откровенно говоря, всегда была для меня более ценной штукой, чем чье-то чужое здоровье. За парнем вполне мог вернуться его хозяин, а я не чувствовал себя готовым к продолжению нашего разговора.

Кроме того, я ничего ему не сломал. «Нимфу» покалечить довольно трудно, хотя и проще, чем уже инициированного вампира.

Я шел домой, вцепившись в ручку магазинной тележки, чтобы не упасть. Мне очень хотелось бы думать, что утром я буду в состоянии ее вернуть, но шансов на это было немного. У меня болел желудок, наконец-то сподобившийся выдать реакцию на отвратный кофе, залитый в него пару часов назад. Ребра ныли так, что думать о чем-то другом было сложно.

— Господи, — шепотом попросил я, — если ты меня слышишь, пожалуйста, сделай так, чтобы это был просто ушиб. В крайнем случае — трещина.

В ушах стоял звон, и голова кружилась — не поймешь, от голода, от усталости или это последствия сотрясения мозга.

Принял бы я предложение, с которым ко мне пришел Мартынов, если бы знал, как все обернется? Черта с два. Даже тогда, когда больше всего на свете мне хочется лечь и умереть, у меня все еще остаются принципы. Не то чтобы я ими так уж дорожил, но иногда правила, которых ты придерживаешься, — это все, что привязывает тебя к реальности.

Сегодня ты соглашаешься работать на вампира, потому что он не просит тебя ни о чем особенном и хорошо платит. Завтра выясняется, что совершенно необходимо сделать для него всего одну не вполне законную вещь, разумеется, за соответствующее вознаграждение — и ты делаешь, потому что тебе трудно отказать давнему и проверенному клиенту. Послезавтра понадобится несколько большее отступление от правил, а еще через некоторое время ты не задумываясь будешь делать то, что сегодня вызывает у тебя ужас.

Эта дорога идет под уклон так плавно, что даже в самом конце ее ты все еще будешь считать себя хорошим парнем. А то, что ты, к примеру, поднимаешь мертвых, встаешь на задние лапки по вампирской команде, приносишь человеческие жертвы или пьешь кровь, — это ерунда, ведь у тебя есть на то причины. Люди замечательно умеют находить для себя оправдания, и я не исключение.

Именно поэтому для меня все очень просто. Я знаю, что существует добро и существует зло. Я знаю, как они выглядят, как себя ведут и каковы последствия их поступков. На причины мне в общем-то наплевать.

Для меня противная лысая собачка, охраняющая свою склочную старую хозяйку от шпаны, — добро, а вампир — зло. Каждый из них делает то, что он делает, потому что такова его природа, но для меня это не катит за аргумент. Добро я буду терпеть, даже если мне лично это неудобно. Со злом я не сотрудничаю даже на самых выгодных условиях, и никакие доводы в пользу зла не будут сочтены весомыми.

Да, я живу в очень черно-белом мире.

И мне это нравится.

Вытащив из тележки пакеты с барахлом, я добрался до лифта и поднялся на четвертый этаж. В кабине попахивало собачьей мочой и горелым пластиком кнопок, но меня так и не вывернуло.

Черт возьми, да я герой.

Ветер простукивал стены, как дятел — дерево в поисках личинок, которыми он мог бы пообедать. У меня не было сил разбирать все то, что я притащил, поэтому я просто прошел в кухню, как был, в кроссовках, поставил пакеты на пол и запиная их под стол. Ничего скоропортящегося там все равно нет.

Я плеснул себе в лицо холодной водой и сунул в рот дольку чеснока, надеясь, что это помешает мне заснуть на ходу до того, как я должным образом обработаю рану. У меня специфическая реакция на букет веществ, содержащихся в вампирской слюне. Вместо кайфа и заряда бодрости я получаю резкий подъем температуры, тошноту, головную боль и сонливость.

Нельзя сказать, чтобы я был этим недоволен. Те, кто ловит кайф, вынуждены впоследствии расплачиваться за него собой и своими близкими. А это слишком высокая цена, о каком бы товаре ни шла речь.

У меня в кухне под столом стояла початая бутылка гранатовой настойки. Открутив пробку, я прополоскал рот горькой темно-красной жидкостью и сплюнул в раковину. От вида красных потеков на белой эмали меня замутило еще сильнее. Я вытащил аптечку из полки над холодильником и промыл укус раствором хлоргексидина.

А потом пошел в ванную и включил воду погорячее — такую, чтобы только не свариться.

У нормальных людей, живущих нормальной человеческой жизнью, в аптечке обычно хранится лейкопластырь, набор жаропонижающих, йод, моток бинта и градусник. У меня там лежали запасные латексные перчатки, фляжка освященного кагора, флакон коллоидного раствора серебра, ритуальный нож и два маленьких пузырька темного стекла — масло лаванды и масло полыни. А также хлоргексидин, стрептоцид, шприц и шесть ампул новокаина.

Иногда я жалел, что не стал сисадмином.

Я сунулся в холодильник и обнаружил, что молоко безнадежно скисло. Пришлось слегка подогреть мед и накапать лаванды с полыню туда. Запашок получился кошмарный, но практический эффект в моем положении был куда важнее комфорта. Всякий, кому время от времени приходится приводить себя в порядок, довольно быстро находит оптимальный алгоритм действий, позволяющий добиться годного результата с помощью подручных средств.

Полынь изгоняет зло, лаванда оберегает, мед питает и стабилизирует.